

ЕВРОПЕЙСКАЯ И КИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ВАРИАЦИИ МИРОВИДЕНИЯ

Т. Цзинь

*Исследование выполнено при поддержке гранта Государственного фонда
социальных наук Китая (проект № 16ZDA209).*

Аннотация. В статье рассматривается причина отсутствия «грамматики» в китайской лингвистической традиции и «неадаптируемости» европейских грамматических категорий к китайскому языку с точки зрения различия между европейской и китайской познавательными стратегиями. Исходя из универсальности понятия «модельезависимый реализм» по отношению к познанию, выделены две разные исходные модели мира на основе анализа элементов языка, которые были задействованы в процессе формирования и номинации базовых понятий античной и древней китайской философии: материя-ориентированная модель и энергия-ориентированная модель. Материя-ориентированная модель мира коррелируется с постижимостью законов мира разуму человека, энергия-ориентированная модель – с непостижимостью непроявленного Начала. Материя-ориентированная модель породила методологически редукционистский подход к познанию, в том числе и к познанию языка. Европейская «грамматика» искала ответы на следующие вопросы: «Какие единицы существуют?», «В каких отношениях находятся они друг с другом?» и «Какими законами описываются эти отношения?». Когда исследуемые языки формировались при реализации той же исходной материя-ориентированной модели мира, такой подход соответствовал естеству этих языков, ибо такие языки стремились к разграничению одних единиц по отношению к другим и фиксации признаков разграничения определенным формальным способом. При функционировании энергия-ориентированной модели мир объясняется как результат движения и взаимодействия неделимых на составляющие Ци, соответственно, не ставились те вопросы, на которые отвечает европейский подход к познанию. Отсутствие «грамматики» в китайской лингвистической традиции – явление естественное, во-первых, потому, что язык, как и другие объекты познания, не представлялся как некая система с фиксируемой структурой; во-вторых, для китайского языка вовсе не важна какая-либо маркировка соотносительности между формой и смыслом или между формой и функцией. Таким образом, каждая лингвистическая традиция отражает определенный подход к познанию языка, и этот подход в значительной степени предопределен самим языком, ибо специфика каждого языка определяется соответствующей исходной моделью мира, побуждающей человека к познанию и одновременно ограничивающей его познание. Интуитивная природа правил, по которым язык функционирует, была само собой подразумеваемой для китайской традиции. К этому выводу приходит и современная лингвистика, но уже на качественно новом уровне. Для понимания механизма работы языковой интуиции необходимо признать интуицию как реально функционирующую форму позна-

ния с присущим познанию «моделезависимым реализмом», и главным вопросом, на который должна ответить «грамматика» как наука о языковой способности человека, становится вопрос «Какие модели применяются в языке?».

Ключевые слова: познание; язык; мировидение; модельезависимый реализм; материя-ориентированная модель; энергия-ориентированная модель.

Введение

Общепринято мнение о том, что грамматика как научная дисциплина начала развиваться в Китае только к концу XIX в. с выходом книги Ма Цзяньчжуна «Грамматический компендиум господина Ма». Вот как об этом пишет В.М. Алпатов: «Китайская традиция до ее европеизации в конце XIX в. не знала грамматики, основным видом описания в ней был словарь» [1. С. 21]. Ключевым словом в этом кратком резюме, на наш взгляд, является «европеизация». Оно указывает, с одной стороны, на тот факт, что книга Ма Цзяньчжуна построена на основополагающих понятиях латинской грамматики, а с другой – на прочную ассоциацию понятия «грамматика» именно с европейской лингвистической традицией.

«Европеизация» определила главный вектор развития «грамматики китайского языка» как научной дисциплины вплоть до сегодняшнего дня: лингвисты в основном шли по пути адаптации европейских грамматических категорий к реальным языковым явлениям, но преодолеть противоречия между ними так и не удалось. В первых строках «Граматики современного китайского языка», вышедшей в 1930 г., было сделано замечание о принципиальных различиях в количественной и качественной характеристиках элементарных единиц китайского языкового мышления от европейского [2. С. 3]. Далее великие лингвисты своего времени пишут: «...надо сознательно согласиться с тем, что деление речи на элементы (лексические, морфологические и фонетические) носит в китайском языке специфический характер и сплошь и рядом не находит равновеликих соответствий в единицах европейского языкового мышления» [Там же. С. 13]. Можно констатировать, что в плане теоретического осмысления грамматики китайского языка весь XX в. был посвящен разработке специфичных критериев и методологических процедур выделения единиц китайского языка, однако в итоге суть вопроса осталась той же: если применять базовые европейские грамматические понятия к описанию китайского языка, то придется менять соответственно сущность этих понятий. В своей обзорной статье Е.И. Шутова после анализа разных подходов к проблеме частей речи в китайском языке объективно указала на нерешенность проблемы: «Функциональная мобильность китайского языка, асимметрия языковых значений лексико-семантического и функционально-синтакси-

ческого планов, сопутствующая употреблению слова – вот тот непреложный эмпирический факт, который выявлен в процессе исследования проблемы и который еще ждет своего объяснения» [3. С. 62]. Тем самым под сомнение ставится сохранение универсальности своего значения у частей речи различных языков.

Следует отметить, что «неадаптируемость» европейских грамматических категорий наблюдается не только по отношению к китайскому языку. Анализируя историческую связь между терминологией теории частей речи и античной философией, О.В. Лукин пишет, что «терминология греческих и римских ученых, описывающая феномены их родного языка, впоследствии некритически переносится на почву языков с иными типологическими характеристиками, что лишь затрудняет их адекватное исследование и описание. Однако привычность этой терминологии, повсеместное использование античных ярлыков заставляет не отказываться от них, а дать им реальное типологическое объяснение» [4. С. 161].

Однако проблема далеко не в сложности адаптации терминологии, а в том, что на самом деле нам дает грамматика, построенная на базе европейского видения языка. Парадокс заключается в том, что все теоретические сложности и споры по грамматике между лингвистами никоим образом не влияют ни на естественную способность человека к владению языком в раннем детстве, ни на практику дальнейшего функционирования этого языка. Считается, что грамматика должна помочь построить «грамотную», правильную речь. Тем не менее если говорить о родном языке, то «грамматика» как набор осознанных правил лишь вносит некоторую корректировку в сторону стандартизации его употребления. Если говорить об освоении иностранного языка, то выучивание грамматических правил совсем не гарантирует порождение правильной речи, а иногда помощь от «грамматики» может оказаться очень сомнительной: расхождение «европеизированной грамматики» китайского языка с реальными правилами, по которым этот язык функционирует, наиболее ярко выявляется в ходе обучения китайскому как иностранному. «Правильное восприятие и воспроизводство китайской речи требует корректировки существующих теорий и концепций» [5. С. 20] – объективная оценка лингвиста-теоретика с многолетним опытом преподавания китайского как иностранного. Этот парадокс известен рядом исследователей, указывающих на кризис лингвистики как науки (см.: [6, 7]). Лингвистика как наука вообще и грамматика, в частности, еще далеки от объяснения языка как уникальной особенности человека. Необходимость в объяснении этой способности появилась во многом в связи с развитием искусственного интеллекта, в частности речевых технологий. Современные речевые технологии пока наталкиваются «на непреодолимые трудности, как только требуется

художественный перевод или же диалог ведется в режиме свободного общения» [8].

Итак, «грамматика» как научная дисциплина с ее достижениями, во многом выросшая из европейской традиции познания языка, вовсе не равноценна «грамматике» в смысле «правил, по которым функционирует язык». Привычность европейской грамматической терминологии сама по себе свидетельствует лишь о доминировании европоцентризма в течение всего периода развития современной лингвистики, но доминирование какого-то подхода или видения еще не означает его универсальность, тем более не подразумевает неограниченность его возможностей для выявления закономерностей. И в этой связи тот факт, что китайская лингвистическая традиция была далека от дисциплины «грамматики», отнюдь не свидетельствует априорно о ее неразвитости. В настоящей работе мы попытаемся ответить на вопрос, почему китайская лингвистическая традиция не интересовалась «грамматикой», исходя из того, что этот вопрос может иметь прямую связь с причиной «ограниченности» европейских грамматических категорий в плане познания языка как способности человека.

Методология

То, что в китайской лингвистической традиции не сложилась «грамматика» в том виде, как она сложилась в европейской лингвистике, лишь на первый взгляд кажется вопросом о лингвистике, а на самом деле это вопрос о познании. И поэтому наше исследование опирается, прежде всего, не на собственно лингвистические данные, а на мнения ученых из разных областей, в частности нейрофизиологии и физики, об особенностях работы нашего мозга, благодаря развитию которого и началось познание человеком всего на качественно новом уровне.

Нейрофизиолог Крис Фрит, опираясь на результаты большого количества экспериментов, направленных на исследование функционирования мозга и сознания, утверждает, что восприятие – это фантазия, совпадающая с реальностью: «Наш мозг строит модели окружающего мира и постоянно видоизменяет эти модели на основании сигналов, достигающих наших органов чувств. Поэтому на самом деле мы воспринимаем не сам мир, а именно его модели, создаваемые нашим мозгом» [9. С. 208]. В современной физике после открытия «квантовой неопределенности» появилось понятие «моделезависимый реализм». С помощью этого понятия физики объясняют парадокс расхождения между знаниями о мире, полученными с помощью непосредственных наблюдений, и знаниями о мире, которыми располагает современная физика. Моделезависимый реализм «основывается на том, что наш мозг интерпретирует сигналы, поступающие от органов чувств, и со-

здает модель мира. Когда такая модель удачно объясняет события, мы склонны приписывать ей, а также составляющим ее элементам и концепциям, свойство реальности, или абсолютной истины. Но ведь одно и то же физическое явление можно смоделировать по-разному, используя различные фундаментальные идеи и концепции» [10. С. 11–12]. Такая особенность человеческого мозга вряд ли проявляется только лишь при восприятии и познании физических явлений, а скорее, свойственна человеку в ходе познания всего, в том числе и в ходе осмысления результатов собственного познания.

Таким образом, познание вполне может быть представлено как процесс моделирования, и сам процесс познания, и его результат всегда зависимы от некой исходной модели. Если учесть, что возникновение языка сопровождалось когнитивной революцией, т.е. язык одновременно служил инструментом для познания мира и являлся результатом этого процесса, то язык непременно содержит в себе определенную исходную модель. Зародыш этой исходной модели, возможно, сформировался еще до возникновения языка, возможно также, что модель и язык в принципе не разделимы и оказывали влияние друг на друга. Важно лишь то, что эта исходная модель должна быть достаточно успешной в плане того, что с ее помощью человек может приспособить мир к себе, а не только приспособливаться к миру.

Иными словами, любой язык, если он функционирует, то содержит в себе некую удачную для данного языкового коллектива модель. С этой точки зрения разные языки не репрезентируют по-разному один и тот же мир, а создают свой мир, свою действительность в зависимости от собственной исходной модели. Созданная определенным языком действительность обладает абсолютной реальностью для носителей данного языка, но эта объективная реальность обеспечивается только лишь ее интерсубъективностью для определенного языкового коллектива. Что касается познания самого языка, то ни европейская, ни китайская лингвистические традиции также не могут быть независимы от некой исходной модели. Иными словами, существенное различие между этими традициями, скорее, должно свидетельствовать о наличии разных исходных моделях мира.

Таким образом, метод нашего исследования в целом – дедуктивный, но также отражает принцип историзма и междисциплинарного, комплексного рассмотрения поставленного вопроса. Отталкиваясь от «моделезависимости» познания, мы выделяем две разные исходные модели мира на основе анализа элементов языка, которые были задействованы в процессе формирования и номинации базовых понятий античной и древней китайской философии. Далее выявляется влияние определенной исходной модели мира на подходы к познанию, в том числе на познание языка. В заключение намечается возможная пер-

спектива исследования «грамматики» как языковой способности в свете осознания модели независимости действительности.

Исследование

Две вариации мировидения. Размышление об устройстве мира, безусловно, эксплицитно содержится, прежде всего, в наследиях от великих умов древности, которые мы сегодня называем «философия». Если присмотреться к тем элементам языка, которые были задействованы в процессе формирования и номинации базовых понятий античной и древней китайской философии, то мы находим две вариации мировидения, в каждой применяется своя исходная модель.

«Греческое слово ἀρχή ‘начало’... обозначает первоэлемент, лежащий в основе всех вещей, в большинстве случаев материального свойства – вода, воздух, огонь, земля, атомы и пр.». «...Греческое слово ὕλη, которое первоначально значило ‘строевой лес’ и которым Аристотель посредством аналогии со всем, изготовленным из этого материала, стал обозначать любую вещественную основу... Впоследствии, как известно, греческое ὕλη Цицерон перевел на латинский язык калькой *materia* (первоначально также “строевой лес”), и в позднейшей европейской традиции в смысле философской абстракции от вещества и вещественности прижился именно латинский вариант “материя”. <...> Парменид использует для обозначения понятия “бытие” субстантивированное причастие среднего рода глагола εἶναι ‘быть, существовать’ в принятой в его диалекте форме – τὸ εἶν (букв. ‘что-есть’))» [11. С. 1034–1035, 1039–1040]. Вариация «начало – материя – бытие» представляет перед нами осязаемый и делимый мир, и такое мировидение не только подразумевает постижимость мира, но и предлагает конкретный путь к его познанию: метафорический образ «строевой лес» подразумевает наличие «структуры», познание которой возможно путем деления объекта на составляющие и выявление связей между этими составляющими.

Совсем другой мир представляется даоцентричной китайской философией. В этой вариации «мир в своей основе содержит некое непроявленное начало» [12. С. 157]. Аналог понятия Бытие в «Дао-Дэ Цзин» обозначается 有(ю) – знак происходит от образа головы быка, символизирующего имущество. Основное значение 有 – *иметь, есть*, что близко к греческому глаголу εἶναι ‘быть, существовать’. Но у Лао-цзи 有 не является постоянным и вечным, 有 рождается из 无 (у): 天下万物生于有, 有生于无 – *все разноцветье мира Бытием дано, Его же самого Не-Бытие родило* [13. С. 35]. Не-Бытие в оригинале обозначается 无 (у) – ‘не, нет’. Другое обозначение непроявленного Начала – 太虚 (тайсюй) – принято переводить как «Великая пустота». На самом

деле в китайском языке существуют два знака, дифференцирующих представление о «пустоте»: 虛 (сюй) и 空 (кун). Между ними существует принципиальное различие: 空 соотносится к восприятию физического пространства с вытекающей из этого восприятия «предельностью», такое понимание «пустоты» в значительной степени опирается на зрительное восприятие и указывает на отсутствие визуально «фиксируемого» в предельном пространстве; пустота 虛 беспредельна и содержит в себе потенциал к метаморфозе, т.е. такая пустота обусловлена отсутствием у человека возможности ее воспринимать и познавать.

Понятие 太虛 поразительно созвучно «концепции пустоты» в современной физике: в свете квантового принципа неопределенности допускаются вакуумные флуктуации, «эта дрожь полей существует даже в пространстве, которое вы нормально воспринимали бы как пустое, в пространстве, которое кажется не содержащим ни материи, ни полей» [14. С. 336]. Если понимать Начало как «непроявленное», то все, что воспринимается и познается, есть «проявление» Начала, иными словами, мир видится как «воплощение» не-воспринимаемого и непознаваемого Начала в воспринимаемое и познаваемое. Механизм такого воплощения и перевоплощения одного проявления Начала в другое представляется как движение и взаимодействие 气 (ци).

Перевод понятия «ци» на другой язык – дело непростое, ибо в нем совмещаются такие моменты, которые в западной метафизике обязательно потребуют четкой терминологической артикуляции и различения. Трактуются ци как одна из основополагающих и наиболее специфичных категорий китайской философии, выражающая идею континуальной, динамичной, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции. Семантика этого понятия открывается с помощью таких слов, как «пневма», «эфир», «атмосфера», «газ», «воздух», «дыхание», «дух», «нрав», «темперамент», «энергия», «жизненная сила», «материя» [15. С. 549]. В определенном смысле представление о ци служит отправным пунктом для познания мира при китайской вариации мировидения, и в отличие от античного атомизма, ориентирующегося на «материю», представление о ци ориентируется на «энергию», и, соответственно, ци не делим на составляющие элементы. Для познания взаимодействия ци необходима определенная дифференциация, и наиболее известная дифференциация – различие двух начал ян и инь. Но такая дифференциация имеет принципиально иной характер, нежели принятый современной наукой метод дифференциации в духе категорий Аристотеля. Ян и инь не взаимоисключаются, наоборот: «В ян есть инь, в инь есть ян», «ян может превратиться в инь, когда его движение достигает максимального предела, и наоборот, инь превращается в ян, достигнув максимального предела

покою», «Вещь остается собой только тогда, когда в ней ян и инь сочетаются друг с другом гармонично» [16. С. 665]. Вариация «непроявленное Начало – движение и взаимодействие ци – явления» в значительной степени ориентирована на неделимую и не фиксируемую энергию как основу мироздания, чем и отличается от материя-ориентированной вариации. Явления, объясняемые как результат движения и взаимодействия ци, не представляются как *нечто* с анализируемой структурой наподобие «строгого леса».

Ряд ученых рассматривает алфавитный и иероглифический вид письменности как отражение глобальной культурной альтернативы [17. С. 104–111]. «Наш мир двоичен, подобно самому человеку... Принципу двойственности всегда следовало китайское мировоззрение, самый известный в мире символ которого – инь и ян, и ему соответствует глобальная противоположность цивилизаций – западной и восточной. ...Этой же оппозиции соответствуют два разных вида письменности: алфавитная и иероглифическая. Таким образом, мы имеем дело с двумя разными типами культур, специфика которых коренится в природе человека, языка, письменности, менталитета» [18. С. 36–37].

С точки зрения «моделезависимого реализма», причина возникновения глобальной культурной альтернативы кроется не столько в природе человека, сколько в самой природе, в самой Вселенной. Элементы языка, которые были задействованы в процессе формирования и номинации базовых понятий античной и древней китайской философии, указывают на две разные исходные модели мира – материя-ориентированную и энергия-ориентированную. Современной наукой уже доказано, что Вселенная состоит из материи и энергии, т.е. обе модели в определенной мере правдивы, и эта частичная «правдивость» достаточна для того, чтобы каждая из них удачно объясняла мир. Таким образом, обе модели оказываются успешными в плане формирования intersubъективной действительности. Применением разной исходной модели определяется стратегия познания, что отражается в специфике и культуры, и языка, и менталитета. В то же время возможности каждой модели в плане познания, в том числе в плане познания языка, по-своему ограничены.

Гармоничность между языком и лингвистической традицией, обеспеченная материя-ориентированной моделью мира. Начнем с того, что не только современная лингвистика зародилась в Европе, из Европы вышла вся современная наука. По мнению Юваля Ной Харари, «научная революция не была революцией знания, она была в первую очередь революцией невежества. Великое открытие, которое привело к научной революции, – мысль, что людям неизвестны ответы на самые важные вопросы» [19. С. 298]. Однако появление такой мысли само по себе еще не толкает человека на поиск ответов на вопросы, для этого

нужна еще вера в то, что законы вселенной постижимы человеческому разуму. Материя-ориентированная модель мира хорошо коррелируется с такой верой. Как мы уже отметили, такая модель не только подразумевает его постижимость, но и предлагает конкретный путь к его познанию. Познание мира в европейских научных традициях пошло именно по пути «делить и анализировать», заложенном в материя-ориентированной модели мира. Видный биохимик и англиканский священник Артур Пикок пишет, что: «человек смотрит на мир как на чужой и противоположный себе объект. Такой взгляд на мир повлек за собой процесс абстрагирования, в котором мировые явления и процессы распадались на составляющие. Эти составляющие, в свою очередь, рассматривались как независимые целые, связанные между собой отношениями наподобие юридических законов... Требовался методологически редуccionистский подход для ответа на вопросы 'новой философии': 'Какие вещи существуют' затем 'В каких отношениях находятся они друг с другом', и наконец 'Какими законами описываются эти отношения'» [20. С. 3–4].

Европоцентричный подход к познанию языка, по сути, стремился ответить на эти же вопросы и следовал процедуре «деление на составляющие, анализ их взаимоотношения и описание правил». «Грамматика есть строй языка, т.е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства... Грамматика представляет собой строевую основу языка, без которой не могут быть созданы слова и их сочленения, предложения и их сочленения» [21. С. 113]. Несложно обнаружить, что за употреблением слов «строй», «строевая основа» в данном определении скрывается тот же метафорический образ «строевого леса». Когда исследуемые языки формировались при функционировании той же исходной материя-ориентированной модели мира, то они, если можно так выразиться, хорошо отзываются на данный подход, ибо такие языки, так или иначе, стремились к разграничению одних единиц по отношению к другим и фиксации признаков разграничения определенным формальным способом.

Итак, научная революция в том виде, как она произошла в Европе, во многом произошла и благодаря материя-ориентированной модели мира, функционирующей внутри европейских языков. Но не следует игнорировать тот факт, что великих открытий было немало и до появления современной науки, и далеко не только в Европе. Однако именно в Европе наука вступила в союз с политикой и капиталом, что и определило ее ориентацию на расширение возможностей человека и создание новых технологий. Как результат, Европа, благодаря росту военной и экономической мощи, начала доминировать в мире, а военное и экономическое доминирование способствовало и доминированию европейского мировидения, включая выросший из этой вариации мирови-

дения методологически редукционистский подход к познанию: слово «научный» теперь автоматически отсылает нас к данному подходу. Но по мере развития науки люди начинают осознавать и ограниченность этого подхода. Об этом Артур Пикок пишет следующее: «Можно согласиться с необходимостью методологической редукции, иными словами, с тем, что, желая понять работу сложной системы и взаимодействие ее элементов, необходимо разложить ее на составные части и исследовать их по отдельности. Об этом никто не спорит. Спор начинается в вопросе об отношении нашего познания сложных систем к их онтологии, то есть о соотношении того, какими мы их видим, и того, каковы они на самом деле» [20. С. 79–80].

Отмеченный нами в начале статьи «парадокс» лингвистики, по сути, отражает именно противоречие между методологической редукцией, доминирующей в европейской лингвистической традиции, и онтологией языка. Надо сказать, что это противоречие давно «ощущается» исследователями, и попытка его преодолеть периодически предпринимается, и она снова и снова «возвращает» нас к некоему началу, пока не поддающемуся расшифровке. Различие в наименовании этого начала больше зависит от мировоззрения исследователей, но никак не по существу. Так, Н. Хомский назвал это «начало» как «врожденная языковая способность», данная «миллионами лет эволюции». Как отмечает Б.М. Гаспаров, за два столетия до Хомского пастор, философ и математик Иоганн Петер Зюсмильх высказал утверждение о том, что «язык не мог быть создан человеком, а по необходимости должен был быть дан ему Богом». У Хомского место Бога заняли «миллионы лет эволюции», что «в сущности то же самое, если принять во внимание чисто спекулятивный характер того, каким образом эта эволюция, какой бы она ни была, соотносится с построениями генеративной грамматики» [22. С. 18–19]. Согласно В. фон Гумбольдту, этим началом служит «работа духа»: языку «присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самостоятельное начало, и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а произвольная эманация духа» [23. С. 67]. Современный когнитивно-ориентированный подход к исследованию языка вместо лирического суждения о «произвольной эманации духа» выдвигает гипотезу о «когнитивной мотивированности» языковых форм [24. С. 51], «начало» тем самым приобретает более содержательное наименование, такое как «когнитивная структура», или «когнитивная логика», но и это «начало» языка «естественным образом усваивается в процессе овладения данным языком, т.е. в значительной мере бессознательно» [25. С. 150], что фактически указывает снова на интуитивную природу грамматики.

Гармоничность между языком и лингвистической традицией, обеспеченная энергия-ориентированной моделью мира. При функци-

онировании энергия-ориентированной модели мир объясняется как результат движения и взаимодействия ци, а ци не представляется как нечто с анализируемой структурой наподобие «строевого леса». Такая вариация мировидения в принципе не могла бы породить методологически редукционистский подход к познанию. Так, например, одной из древнейших областей познавательной деятельности человека является медицина. Китайская медицина рассматривает состояние здоровья человека как балансирование ци внутри организма и взаимодействие внутренней энергии человека с энергией природы. Тысячелетнее развитие такой медицины не привело, да и не могло бы никогда привести, к появлению таких областей науки, как биохимия или генетика.

При энергия-ориентированной вариации мировидения язык, как и другие объекты познания, не представлялся как некая система с фиксируемой структурой, и китайских ученых до европеизации занимали вопросы сугубо прагматического характера, связанные, главным образом, с толкованием древних текстов и обобщением опытов по созданию лучших литературных произведений. Если называть эти области исследования современными терминами, то это семантика, прагматика и даже лингвистика текста. При этом естественной единицей для толкования и исследования текстов является 字 (цзы), но, поскольку не было представления о языке как о структурированной совокупности единиц и отношений между ними, вопрос о выделении единиц языка, оказавшийся столь сложным теоретическим вопросом после европеизации, вообще не ставился.

В Русско-китайском словаре 字 переводится как «иероглиф», но эти два понятия не являются эквивалентами, и причина снова же в различии между двумя вариациями мировидения. В 字 воедино соединены планы звучания, визуального образа и смысла. Слово же «иероглиф» автоматически отсылает к представлению о письменности, т.е. визуальной картинке, отделенной от звукового и смыслового плана.

Русские китаисты сегодня пользуются терминами «однослог», «значимый однослог», «слогморфема», «словослог» для обозначения базовых единиц китайского языка, которые являются, на наш взгляд, компромиссными вариантами, когда холистическое понятие при китайской вариации мировидения не находит аналога в европейской вариации, стремящейся к более детальной дифференциации явлений и соответствующей четкой терминологической артикуляции. Классификация 字 (обозначающего) была теснейшим образом связана с классификацией обозначаемого: 死字 (сыцзы, букв. мертвый + 字 – цзы, репрезентирующие объекты или явления, сформированные природой) были противопоставлены 活字 (хоцзы, букв. живой + 字 – цзы, репрезентирующие процессы, приводящие к формированию объектов и явлений); 实字

(*шуйцзы*, буквально: полный + 字 – цзы, репрезентирующие осязаемые объекты или явления; все *шуйцзы* обладают семантической определенностью) были противопоставлены 虚字 (*сюйцзы*, буквально: пустой + 字 – цзы, репрезентирующие нечто, не имеющее форм; часть *сюйцзы* обладает семантической определенностью, часть – нет, т.е. семантика определится только при взаимодействии с другими 字). В такой классификации в значительной степени присутствует антропоцентризм, ибо опирается он, по сути, на восприятие человеком действительности: часть действительности сознается им как фиксированная и неизменная, часть – меняющаяся, причем человек сам зачастую выступает в роли инициатора перемен; часть действительности реально осязаема органами чувств, а часть существует только в воображении человека; воображаемое отличается по степени своей абстракции, от которой и зависит семантическая определенность / неопределенность. Граница между неизменным и изменчивым, между воображаемым и осязаемым весьма размыта для нашего сознания, в китайской лингвистической традиции и не было попыток выработать какие-либо жесткие критерии для их систематического разграничения, а лишь был констатирован (в середине XVII в.) факт о гибкости употребления 字 (или о полифункциональности, если выразить более привычным для современной лингвистики словом): в речевых продуктах 死字 может стать 活字, 实字 может стать 虚字 [26. С. 53].

После того как семантике стали выделять значительно большее внимание в современной лингвистике, а также с утверждением антропоцентризма, появилось мнение о том, что в древние времена китайские ученые осознавали необходимость развития лингвистической науки не в традиционном, а в «модернистском» направлении [27. С. 12]. Безусловно, в китайской лингвистической традиции центральное место всегда занимала семантика, а в вопросе классификации 字 ученые изначально учитывали восприятие человека, но вряд ли можно сказать, что мы имеем дело с осознанным «модернистским» направлением, ведь в этой традиции не было никогда стремления к раскрытию закономерностей функционирования языка. Китайские ученые не называли язык «божьем даром» или «непроизвольной эманацией духа», но для них интуитивная природа правил, по которым язык функционирует, скорее, была само собой подразумевающейся. Об этом свидетельствует еще и традиционная методика обучения грамоте путем «выучивания текстов-эталонов», опирающаяся на 意会 (ихуэй) – способность интуитивно постичь суть вещей.

С одной стороны, отсутствие в китайской лингвистической традиции стремления к поиску закономерностей в функционировании языка вполне естественно при энергия-ориентированной модели миро-

видения, коррелирующей, скорее, с непостижимостью непроявленного Начала для человека, нежели с его постижимостью; с другой – в познании языка, в частности в квалификации 字, проецируется та же идея дуализма наподобие инь – ян: «мертвому» (статичному и неизменному) противопоставляется «живое» (динамичное и переменчивое), «наполненному» противопоставляется «пустое». Так же, как между инь и ян, подобное противопоставление не предполагает взаимоисключения, т.е. допускается «перевоплощение», что, в свою очередь, соответствует естеству самого языка. Как уже было отмечено, для энергия-ориентированной модели мировидения гораздо важнее «взаимодействие» неделимых сущностей и их «перевоплощение», а не фиксированное «взаимоотношение» между взаимоисключающими и противопоставляемыми элементами. Следовательно, для китайского языка во все не важна какая-либо маркировка соотнесенности между формой и смыслом или между формой и функцией. 字, если говорить о нем обобщенно, представляет собой образ, запечатленный человеком-субъектом познания при восприятии некой ситуации. Процесс запечатления ситуации сопровождается и ее интерпретацией, и ее абстрагированием. В определенном смысле процесс запечатления ситуации с помощью 字 и есть процесс возникновения интерсубъективной сущности данной ситуации. Такая интерсубъективная сущность имеет достаточно широкий потенциал к «перевоплощению».

Иными словами, «полифункциональность» 字 не что иное, как возможность «перевоплощения» некой сущности при вступлении во взаимодействие с другими сущностями. Мы наблюдаем снова гармонию между языком и исходной моделью мировидения, гармонию между познавательной стратегией, функционирующей внутри языка, и подходом к познанию самого языка.

Заключение

Итак, лингвистическая традиция, европейская или китайская, отражает определенный подход к познанию языка, и этот подход в значительной степени предопределен соответствующим языком, ибо в языке функционирует исходная модель мира, которая определяет специфику языка, побуждает человека к познанию и одновременно ограничивает его познание. Ответ на вопрос, почему китайская лингвистическая традиция не интересовалась «грамматикой», оказывается прост: грамматика интуитивно доступна человеку внутри языкового коллектива, ее не нужно описывать. Интуитивная природа грамматики фактически признается современной лингвистикой, по крайней мере, ее когнитивно-ориентированным направлением, но методологически редукционистский подход, выросший на базе европейского мировидения, закрывает

наш путь к познанию собственной языковой интуиции. Выявление «грамматики» как способности человека требует от нас сначала признать «интуицию» как реально функционирующую форму познания, а затем построить гипотезу о том, как могла бы работать наша языковая интуиция.

Если относиться к интуиции как реально функционирующей форме познания, то ей, должно быть, также присущ «моделезависимый реализм», т.е. интуиция работает в тех же общих условиях: наш мозг, принимая определенные сигналы, склонен строить некую модель и применять эту модель для объяснения новых сигналов и создания новых реалий, тем самым приводя многообразие к единообразию до тех пор, пока новые сигналы уже не объясняются существующей моделью и требуют применения новой модели. Интуиция отличается от иных форм познания, скорее, лишь тем, что нам не нужно осознавать применяемые модели и условия их применения, а мозг как бы самостоятельно «подбирает» нужную модель.

Исходя из этого, при исследовании грамматики вместо вопросов «Какие единицы в языке существуют?», «В каких отношениях находятся они друг с другом?» и «Какими законами описываются эти отношения?» нужно будет ответить на один главный вопрос – «Какие модели применяются в языке?», который, естественно, повлечет за собой уже целый ряд других вопросов, таких как «Какие сигналы, поступающие по органам чувств, являются значимыми для человека в плане создания грамматических моделей?», «Варьируются ли наборы этих сигналов для представителей разных культур?», «Создается ли одинаковая модель при одинаковых внешних сигналах? Если нет, то какие факторы дополнительно влияют на создание моделей?», «От каких факторов зависит возможность у конкретной модели в плане сжатия многообразия мира?» и т.д.

Самой главной преградой на пути к пониманию механизма работы языковой интуиции является включенность человека, в том числе исследователей культуры и языка, в собственный язык и созданную этим языком интересубъективную действительность. Однако преодолеть эту преграду представляется нам возможным, поскольку осознать «моделезависимость» действительности – значит осознать ограниченность привычной для нас стратегии познания, а осознание ограниченности – первый шаг к тому, чтобы расширить предел нашего познания.

Литература

1. *Алпатов В.М.* Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
2. *Поливанов Е.Д., Иванов А.И.* Грамматика современного китайского языка. М. : Ин-т востоковедения им. Нариманова, 1930. 304 с.

3. **Шутова Е.И.** Проблема частей речи в Китае // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 47–64.
4. **Лукин О.В.** Терминология теории частей речи: античные истоки // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1, т. I (Гуманитарные науки). С. 161–166.
5. **Тань Аошун.** Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М. : Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
6. **Кошелев А.Д.** Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.
7. **Кравченко А.В.** Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка? // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 54–62.
8. **Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М.** Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52
9. **Фрит К.** Мозг и душа: как нервная деятельность формируют наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель : CORPUS, 2011. 335 с.
10. **Хокинг С., Млодинов Л.** Высший замысел / пер. с англ. М. Кононова. М. : АСТ, 2018. 208 с.
11. **Яззина Э.В., Корнеев О.В.** К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии // Индоевропейское языкознание и классическая философия. 2015. № 19. С. 1034–1050.
12. **Еремеев В.Е.** Триграммы «Книги перемен» как символы взаимодействий // Метафизика. 2012. № 1 (3). С. 156–166.
13. **Лаоцзы.** Дао Дэ Цзин, или Трактат о Пути и Морали / пер. с древнекит. Л.И. Кондрашовой. М. : РИПОЛ классик, 2005. 224 с.
14. **Грин Б.** Ткань космоса: Пространство, время и текстура реальности / пер. с англ. В.О. Малышенко, А.Д. Панова. 2-е изд., испр. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 608 с.
15. **Духовная культура Китая:** энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. М. : Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия.
16. **Чан Ван Ко.** Единство «ян» и «инь» как истина (Постановка проблемы) // Логический анализ языка. Избранное. 1998–1995. М. : Индрик, 2003. 696 с.
17. **Карапетьяниц А.М.** У истоков китайской словесности : собр. тр. М. : Вост. лит., 2010. 479 с.
18. **Кобзев А.И.** Глобальная культурная альтернатива: Китай – Запад // Философские науки. 2015. № 1. С. 36–57.
19. **Харали Ю.Н.** Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М. : Синдбад, 2019. 512 с.
20. **Пикок А.** Эволюция – тайный друг веры / пер. с англ. (Серия «Наука и богословие»). М. : ББИ, 2013. 375 с.
21. **Большой энциклопедический словарь.** Языкознание. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
22. **Гаспаров Б.М.** Теоретическая лингвистика как миропонимание // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 7–23.
23. **Алпатов В.М.** История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
24. **Кибрик А.Е.** Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
25. **Салмина Л.М.** Логика языка и языковая логика // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Т. 148, кн. 2. С. 143–151.
26. **Юань Жэньлинь** Сюйцзы Шо [袁仁林 虚字说 北京 : 中华书局. 1989. 146页]. О Сюйцзы. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 1989. 146 с. (на кит. яз.).

27. **Курдюмов В.А.** Предикация и природа коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 263 с.

Сведения об авторе:

Цзинь Тао – кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: jintao-m@yandex.ru

Поступила в редакцию 27 января 2020 г.

EUROPEAN AND CHINESE LINGUISTIC TRADITIONS AS VARIATIONS OF WORLD VISION

Tszin Tao, Ph.D. (Philology), Associate Professor, RUDN University (Moscow, Russia). E-mail: jintao-m@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/49/7

Abstract. The article reviews the reason of the lack of “Grammar” in the Chinese linguistic tradition and “inadaptability” of European grammatical categories to the Chinese language from the point of view of difference between European and Chinese cognitive strategies. Proceeding from the versatility of the concept “model-dependent realism” in relation to cognition, two various initial models of the world have been distinguished based on the analysis of language elements, which were involved in the process of formation and nomination of the basic concepts of antique philosophy and ancient Chinese philosophy: matter-oriented model and energy-oriented model. The matter-oriented model of the world correlates with comprehensibility of the world laws to human mind, the energy-oriented model – with incomprehensibility of non-manifested Beginning. The matter-oriented model gave birth to methodologically reductive approach to cognition, including the cognition of the language. European “Grammar” searched for answers to the following questions: “What units are there?”, “What relations are there between them?” and “What laws describe these relations?”. When the languages under study formed up at the implementation of the same initial matter-oriented model of the world, such approach corresponded to the nature of these languages, since such languages tended to differentiation of some units in relation to others and fixation of differentiation attributes by a certain formal way. At functioning of the energy-oriented model, the world is explained as the results of movement and interaction of indivisible elements of Qi; therefore, no questions answered by the European approach to cognition were asked. The lack of “Grammar” in the Chinese linguistic tradition is a natural phenomenon, firstly, because language, just like other objects of cognition, was not viewed as some system with a fixed structure; secondly, any marking of correlation between form and meaning or between form and function is not important for the Chinese language. Thus, every linguistic tradition reflects a certain approach to language cognition and this approach in considerable extent is preordained by the language itself, as the specifics of each language is determined by the corresponding initial model of the world, driving a man towards cognition and simultaneously limiting his cognition. The intuitive nature of the rules, a language is functioning to, went without saying for the Chinese tradition. The modern linguistics also arrives at this conclusion, but at a totally new level. In order to understand the operation mechanism of linguistic intuition, intuition must be acknowledged as the really functioning form of cognition with “model-dependent realism” inherent to cognition; and the key question the “Grammar” must answer, being the science of the linguistic capacity of man, is the question “What models are used in language?”.

Keywords: cognition, language; world vision; model-dependent realism; matter-oriented model; energy-oriented model.

References

1. Alpatov V.M. (2018) Jazykoznanie: Ot Aristotelya do komp'yuternoy lingvistiki [Linguistics: From Aristotle to computer linguistics]. M.
2. Polivanov E.D., Ivanov A.I. (1930) Grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka [Grammar of modern Chinese]. M.
3. Shutova E.I. (2003) Problema chastey rechi v kitaevedenii [The problem of parts of speech in Sinology]. Topics in the study of language. 6. pp. 47–64.
4. Lukin O.V. (2012) Terminologiya teorii chastey rechi: antichnye istoki [The terminology of the theory of parts of speech: ancient sources]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 1. Vol. I (Humanitarian sciences). pp. 161–166.
5. Aoshuan T. (2002) Problemy skrytnoy grammatiki: Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka) [Problems of hidden grammar: Syntax, semantics and pragmatics of the isolating system language (on the example of the Chinese language)]. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Koshelev A.D. (2013) Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak vavilonskaya bashnya (o "mirmom" sosushchestvovanii mnozhestva nesovmestimyykh teoriy yazyka) [Modern linguistic theory as the Tower of Babel (How numerous antagonistic linguistic theories can peacefully coexist)]. The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. Vol. 72 (6). pp. 3–22.
7. Kravchenko A. V. (2015) Javlyaetsya li traditsionnyy lingvisticheskiy analiz analizom yazyka? [Is traditional linguistic analysis an analysis of language?]. The Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2. pp. 54–62.
8. Velikhov E.P., Kotov A.A., Lektorskiy V.A., Velichkovskiy B.M. (2018) Mezhdistsiplinarnye issledovaniya soznaniya: 30 let spustya [Interdisciplinary studies of consciousness: 30 years later]. Russian Studies in Philosophy. 12. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52
9. Frith C. (2011) Making Up the Mind: How the Brain Creates our Mental World. per. s angl. P. Petrova. M.: Astrel' : CORPUS
10. Hawking S., Wlodinow L. (2018) The Grand Design. New York, Bantam Books. per. s angl. M. Kononova. M.: AST.
11. Janzina E.V., Korneev O.V. (2015) K voprosu o roli grammatiki v sozdanii yazyka drevnegrecheskoy filosofii [Some comments on the role of grammar in creation of the language of ancient Greek philosophy]. Indo-European linguistics and classical philosophy. 19. pp. 1034–1050.
12. Eremeev V.E. (2012) Trigrammy "Knigi peremen" kak simvol'y vzaimodeystviy [Trigrams of the Book of Changes as symbols of interactions]. Metaphysics. 1(3). pp. 156–166.
13. Laozi. (2005) Daode jing, ili Traktat o Puti i Morali [Daode jing or Treatise on the Path and Morals] / per. s drevnekit. L.I. Kondrashovoy. M.: RIPOL klassik
14. Grin B. (2011) Tkan' kosmosa: Prostranstvo, vremya i tekstura real'nosti [The Fabric of the Cosmos. Space. Time. And the Texture of Reality] / per. s angl. V.O. Malysenko, A.D. Panova. 2-ye izd., ispr. M.: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
15. Duhovnaya kul'tura Kitaja: jenciklopediya [Spiritual philosophy of China: encyclopedia] (2006) / Gl. red. M. L. Titarenko. M.: Vost. lit. Vol. 1. Filosofiya.
16. Chan Van Ko. (2003) Edinstvo "yan" i "in" kak istina (Postanovka problemy) [The unity of "yang" and "yin" as truth (statement of the problem)]. Logical language analysis. Favorites. M.: Indrik.
17. Karapetjants A.M. (2010) U istokov kitayskoy slovesnosti: sobranie trudov [At the origins of Chinese literature: a collection of works]. M.: Vost. lit.
18. Kobzev A.I. (2015) Global'naya kul'turnaya al'ternativa: Kitay – Zapad [Global Cultural Alternative: China – West]. Russian Journal of Philosophical Sciences. 1. pp. 36–57.

19. Kharari Yu.N. (2019) *Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humankind.] / per. s angl. L. Summ. M. : Sindbad
20. Peacock A. (2013) *Evolutsiya – taynyy drug very* [Evolution. The Disguised Friend of Faith?] / per. s angl. (Seriya “Nauka i bogosloviye”). M. : BBI.
21. Bol’shoy entsiklopedicheskiy slovar’. *Jazykoznanie*. 2-e izd. [Big encyclopedic dictionary. Linguistics. 2nd ed.] (1998). M. Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
22. Gasparov B.M. (2017) *Teoreticheskaya lingvistika kak miroponimanie* [Theoretical linguistics as a worldview]. *Topics in the study of language*. 3. pp. 7–23.
23. Alpatov V.M. (2005) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy*. [History of linguistic doctrines]. M.: Jazyki slavyanskoy kul’tury.
24. Kibrik A.E. (2008) *Lingvisticheskaya rekonstrukciya kognitivnoj struktury* [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Topics in the study of language*. 4. pp. 51–77.
25. Salmina L.M. (2006) *Logika jazyka i jazykovaya logika* [Logics of language and linguistic logics]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 148 (2). pp. 143–151.
26. Yuan Liulin. XuZi Shuo (1989). *About XuZi*. Beijing: Printing House Zhonghua
27. Kurdyumov V.A. (1999) *Predikatsiya i priroda kommunikatsii* [Prediction and the nature of communication]. Philology doc. diss. M.

Received 27 January 2020